

ИСТОРИОСОФИЯ ГАЛИЦКО-РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГАЛИЧИНЕ В XIX ВЕКЕ

УДК 323.1:94(436) + 94(47)

К.В. Шевченко
*Центр евразийских исследований
Филиала РГСУ в Минске*

Восточная Галиция, традиционно считающаяся бастионом украинского национализма, окончательно приобрела подобный имидж сравнительно недавно, лишь после геноцида галицких русофилов, развязанного австро-венгерскими властями в ходе Первой мировой войны. Еще в начале XX в. украинская самоидентификация не полностью утвердилась в Галиции. По мнению исследователей, в это время «половина галицийского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служила объектом борьбы «за души» [1, с. 3]. Даже в г. Станиславове (современный г. Ивано-Франковск), который являлся одним из центров украинского движения в Восточной Галиции, термин «украинец» стал вытеснять «русинское» самоназвание только после 1917 г.» [1, с. 5]. В то же время, среди галицко-русской интеллигенции были широко распространены идеи, трактовавшие галицких русинов как часть единого русского народа от Карпат до Камчатки.

В начале XX века в тогда еще австрийском Львове и в 1920-30-е годы в уже польском Львове выходили газеты на русском языке, отстаивавшие идею общерусского единства великороссов и малороссов и полемизировавшие с украинскими националистами. «Русско-народная партия в Галичине исповедует... национальное и культурное единство всего русского народа, а поэтому признает своими плоды тысячелетней культурной работы всего русского народа, принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа» [2, с. 17], - декларировал съезд русско-народной партии Галиции, состоявшийся 27 января (7 февраля) 1900 г. во Львове. Общественные деятели Галиции в конце XIX – начале XX вв. отмечали широкое распространение стихийных «москвофильских» настроений среди «русского простонародья Галичины и Буковины» [3, с. 187], указывая при этом, что галичане даже превосходят «малорусское и великорусское простонародье в России в развитии национального сознания, в патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и русской церкви» [3, с. 187]. Это были вынуждены признать и местные активисты украинского движения, выражавшие сожаление по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы» [3, с. 185].

Впрочем, как заметила Н.М. Пашаева, автор первой отечественной монографии о русском движении в Галичине, современные внуки и правнуки галицких русинов «едва ли захотят вспоминать сейчас своих русских дедов и прадедов» [4, с. 7]. К этому стоит добавить, что большинство нынешних галичан не

только не хотят, но и по объективным причинам не могут вспомнить своих русских предков, так как русское прошлое Галиции основательно проутюжил поток украинской политической и околонучной цензуры, стерев из учебников и общественной жизни эту неудобную для нынешней украинской политической элиты информацию.

Галицко-русские общественные деятели подчеркивали колоссальную роль Галицкой Руси в общерусской истории, отмечая, в частности, что уроженцы Галицкой Руси внесли большой вклад в возвышение Москвы и Московского княжества в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. К числу самых известных из них относился выходец из Галиции митрополит Петр, который, поддерживая объединительную политику внука Александра Невского московского князя Ивана Калиты во второй четверти XIV века, «перенес в Москву митрополичий престол и сделал Москву духовным центром объединяющейся России» [4, с. 9]. Галицкие общественные деятели воспринимали личность Петра как один из символов общерусского единства, подчеркивая, что «ближайшим советником Ивана Калиты был первый митрополит московский Петр, называемый также Петром из Раты, поскольку он родился в нынешней Галичине и жил над рекой Ратою...» [5, с. 27]. Таким образом, именно галичанин стоял у истоков превращения Москвы в церковную столицу русских земель, что весьма символично. Сам Иван Калита воспринимался галицко-русскими деятелями как «собиратель русской земли», смерть которого в 1340 г. лишила Русь «сильных князей, которые бы могли соединить Галицко-Владимирское княжество с другими русскими землями» [5, с. 27].

Характеризуя положение Галицкой Руси в составе Польши, которая захватила галицкие земли в 1340-е годы при Казимире Великом, Мончаловский подчеркивал, что вся политика польских королей была направлена на то, чтобы «прервать и уничтожить связь между русскими подданными Польши и русскими жителями возникшего в то время на севере Московского великого княжества, тем более, что русские подданные Польши не отличались по вере, языку и письму от русских жителей Московского княжества... В этих же целях была использована и церковная уния, заключенная в Бресте» [5, с. 47]. Борьба против Брестской церковной унии стала мощным катализатором развития общественной и интеллектуальной жизни Малороссии и Галиции, которые выдвинули из своей среды много ярких фигур. Уроженцем древнего галицко-русского Перемышля (ныне г. Пшемысль в юго-восточной Польше), был выходец из местной православной шляхты крупный церковный и общественный деятель Юго-Западной Руси Захария Копыстенский, ставший в 1624 г. архимандритом Киево-Печерского монастыря. В своем знаменитом полемическом сочинении «Палинодия, или книга обороны кафолической», направленном против униатов, Копыстенский обосновывал исконность православия на Руси, указывая, между прочим, на то, что и поляки были изначально восточными христианами, приняв веру от чехов, которые, в свою очередь, приняли крещение от греков.

Русский народ рассматривался Копыстенским как единое целое и как изначально православная общность.

Именно в это время окончательно оформляется идея общерусского единства, которая впервые была четко сформулирована и обоснована малорусскими мыслителями и общественными деятелями. Опубликованный в 1674 г. в Киеве архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелем «Синописис» провозглашал историческое единство Великой и Малой Руси, единство всех ветвей русского народа и единую государственную традицию Киевской Руси. Именно киевский «Синописис» 1674 г. вплоть до второй половины XVIII в. был единственным пособием по истории России, оказав огромное концептуальное влияние на становление традиционной русской историографии. Взгляд «Синописиса» на единство Великой и Малой Руси нашел свое отражение во всех основополагающих обзорных трудах по истории России от Карамзина до Соловьева и Ключевского [6, р. 22]. В XVII в. усиливаются контакты мыслителей и церковных деятелей Юго-Западной Руси с Московской Русью, испытавшей колоссальное влияние малороссийской интеллектуальной и церковной традиции, что привело к симбиозу двух начал и способствовало развитию общерусской культуры.

Представители галицко-русской общественной мысли всячески подчеркивали колоссальную роль, сыгранную уроженцами Малой Руси в развитии русской науки, культуры и просвещения. Так, О. А. Мончаловский отмечал, что Москва являлась политическим центром свободной Руси, но при этом длительное время «не была центром просвещения» и «не представляла удобной почвы для восприятия и распространения образованности. ...Свет нового просвещения, которому впоследствии суждено было отразиться и на самой Москве, загорелся на юго-западных окраинах Руси, попавших частью под Польшу, частью под Литву. Православные братства, вызванные преследованиями со стороны Польши и римокатоличества... посвящают все свои нравственные и материальные средства на распространение образованности и учреждают училища» [3, с. 168]. Особенно важное место в этой деятельности принадлежало Киеву и созданной по инициативе митрополита П. Могилы в 1631 г. Киево-Могилянской академии, откуда «выходили просвещеннейшие люди на всю Русь и вследствие этого Киеву еще раз пришлось играть весьма важную роль в истории просвещения всей Руси. Плоды этого просвещения проявились в том, что среди русского населения Польши и Литвы... выступает целый ряд деятелей и ими создается литература полемического и богословского содержания. Из той же среды выходят ученые люди, которые не только в южной Руси противостоят противонародной пропаганде, но проникают и в Москву и кладут первое основание русской учебной литературе» [3, с. 169].

Среди уроженцев Юго-Западной Руси, оказавших особенно сильное влияние на Московскую Русь, галицко-русские деятели называли М. Смотрицкого, славянскую грамматику которого, «перепечатанную в 1618 г. в Москве, употребляли во всей России до Ломоносова» [3, с. 170], а также К. Транквилиона, И. Копинского, С. Полоцкого, Е. Славинецкого, И. Галятовского, И. Гизеля и

Д. Ростовского. О. Мончаловский отмечал, что С. Полоцкий и Е. Славинецкий, находясь в Москве, «просвещали русский народ», а С. Полоцкий, являвшийся воспитателем царевича Федора Алексеевича, имел большое влияние в Московской Руси и был инициатором создания в Москве славяно-греко-латинского училища, позже преобразованного в академию. К заслугам С. Полоцкого относилось также введение проповедей в московских церквях и написание драматических сочинений, что положило основание русскому театру.

Именно киевские ученые, как подчеркивали галицко-русские деятели, стали помощниками Петра I в деле преобразования Руси. В петровскую эпоху «мы видим южно-русских ученых во главе церковного управления и просвещения в северной Руси: С. Яворский был местоблюстителем патриаршего престола; Г. Бужинский стоял во главе русского книгопечатания и школьного образования и получил от Петра I титул «протектора школ и типографий» [3, с. 171]. Однако наибольшим влиянием при Петре обладал Ф. Прокопович, по совету которого «Петр Великий основал в Петербурге Академию наук» [3, с. 172]. «Главнейшими сотрудниками Петра I на поприще научной, литературной и государственной деятельности были малороссы, питомцы Киевской академии, - не без гордости заключал в 1898 г. галичанин О.А. Мончаловский. – Это участие малороссов в общерусской лингвистической работе продолжалось и после Петра, продолжается и по настоящее время» [3, с. 7].

По справедливому замечанию А. Миллера, «культура, которую мы знаем сегодня как русскую, была создана в XVIII и в первой половине XIX в. совместными усилиями русской и украинской элит, если вообще возможно применение этих терминов более позднего происхождения к тому времени; или же, что более правильно, усилиями великорусской и малорусской элит. Именно с этим общим наследием и пришлось позднее бороться украинским националистам, включая М. Грушевского, который затратил много усилий на критику «традиционной схемы русской истории», возникшей в Киеве» [6, р. 22]. К этому стоит добавить, что в концептуальную разработку «традиционной схемы русской истории», которой впоследствии объявили беспощадную войну украинские историки – менеджеры «украинского проекта», внесли огромный вклад галицко-русские и карпато-русские ученые, оказавшие значительное воздействие на русскую общественную мысль в целом. Так, уроженец Закарпатья историк Ю. Венелин (Гуца), стоявший у колыбели русской славистики, оказал серьезное влияние не только на ход развития славистики в России, но и на отдельных ученых и писателей, в том числе на М.П. Погодина, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова и О.М. Бодянского. Стоит отметить, что Венелин был некоторое время учителем в семье Аксаковых, существенно повлияв на становление славянофильских взглядов братьев Аксаковых.

Подобно Угорской Руси, начало национального возрождения в Галицкой Руси в первой трети XIX века также определялось деятельностью убежденных сторонников общерусского единства. Д.И. Зубрицкий, с именем которого свя-

заны первые проявления национального возрождения галицких русинов, считался лидером «русского» направления, поддерживал активные контакты с профессором Московского университета известным историком М.П. Погодиным и был убежденным сторонником русского литературного языка как языка «культуры и науки в Галичине» [4, с. 39]. Научная и культурная деятельность Зубрицкого, несмотря на его абсолютную политическую лояльность Вене, вызвала настороженное отношение австрийской администрации, которая, в частности, ставила препоны распространению написанной Зубрицким «Истории Галицкого княжества», воспринимая подписчиков этого научного труда как своих противников. Помимо Д.И. Зубрицкого, начальный этап национального возрождения в Галиции был связан с именами М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого, которые вошли в историю общественной и культурной жизни Галицкой Руси под названием «Русская троица». Изданный в 1837 г. «Русской троицей» литературный альманах «Русалка Днестровая», ставший «важнейшей вехой в истории национального возрождения Галичины» [4, с. 18], убедительно демонстрировал явственные общерусские мотивы. Так, например, в опубликованном здесь стихотворении М. Шашкевича «Воспоминание» затрагивались и прославлялись сюжеты общерусской истории – в том числе золотая эпоха Ярослава Мудрого, а также сила и слава Новгорода. Примечательно, что содержание «Русалки Днестровой» пришлось не по вкусу бдительным австрийским чиновникам и «в Галичине альманах тотчас был запрещен и конфискован полицией» [4, с. 18], а его авторы были исключены из Львовской духовной семинарии. По словам О. Мончаловского, «судьба, постигшая авторов «Русалки Днестровой», показывает, что в Австрии было тогда опасно печатать русские книжки. Но галицко-русские писатели не могли ничего печатать и за границей, понеже существовал закон, накладывающий штраф в 25 дукатов на того, кто напечатал за границей сочинение, не прошедшее через австрийскую цензуру» [5, с. 88]. Таким образом, первые проявления культурно-национальной деятельности русинов Галиции в 1830-е годы недвусмысленно свидетельствовали об их осознании исторического и духовного единства всех русских земель.

Уже начальный этап галицкого национального возрождения был связан с борьбой против латинизации и полонизации. В 1833 г. в предисловии к своему сборнику польских и галицко-русских песен польский литератор В. Залесский высказал мысль о целесообразности присоединения галицких русинов к польской литературе. Галицкий греко-католический священник И. Лозинский поддержал эту идею в своей статье «О введении польского алфавита в русскую письменность», опубликованной во Львове в местной польской газете «*Rozmaitosci*» в 1834 г. [4, с. 17].

Однако эта инициатива вызвала единодушное негодование галицко-русской общественности. М. Шашкевич в своей брошюре «Азбука и алфавит», опубликованной в 1836 г., резко осудил идею перехода на латиницу, показав ее вред и неприемлемость для галицких русинов [4, с. 17]. Впоследствии попытки латинизации письменности галицких русинов будут регулярно предприниматься со стороны австрийских властей и польской администрации Галиции.

Политика австрийских властей, направленная на культурное отчуждение русинов от России и русского литературного языка, находила свое выражение в административном навязывании местного диалекта в качестве литературного языка и в открытой дискриминации тех русинских изданий, которые использовали русский литературный язык и отстаивали идею единого русского литературного языка для русинов. Так, литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е гг., подвергалась давлению австрийских властей за «чрезмерное использование московских слов». «Церковная Газета», издававшаяся общественным и культурным деятелем закарпатских русинов И. Раковским на литературном русском языке с 1856 г., была вскоре приостановлена, а затем закрыта австрийскими властями.

С изобретением украинской фонетической письменности П. Кулишом (так наз. «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи получили новое эффективное орудие обособления галицко-русской письменности от русского литературного языка. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им фонетического алфавита поляками для углубления культурно-языкового раскола между малороссами и великороссами. В своем письме к известному галицко-русскому деятелю Б. Дедицкому в 1867 г. Кулиш откровенно заявил о том, что «видя это знамя (кулишивку) в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства» [3, с. 78].

Усиление противоречий между русскими галичанами и местными украинофилами, достигшее антагонизма, было срежиссировано польской администрацией Галиции в 1890 г., когда «после предварительных совещаний с заместником Галичины К. Бадени и митрополитом С. Сембратовичем депутат галицкого сейма Ю.С. Романчук провозгласил проект национально-политического соглашения с поляками под названием «Новая эра». Главные пункты программы Романчука гласили, что «мы, русины, народ самостоятельный, отдельный от польского и российского и на этом основании желаем развивать свою народность и язык. Мы держимся верно греко-католической веры и обряда» [3, с. 83]. По замечанию О.А. Мончаловского, данная программа означала «отречение от племенной связи с остальным русским миром, и даже отделяла галицких малороссов-униатов от православных малороссов в Буковине, не говоря уже о малороссах в России» [3, с. 83].

Представители русских галичан выступили категорически против тезисов Романчука, поскольку они противоречили идее общерусского единства, лежавшей в основе мировоззрения галицких русофилов. Соглашение украинофильской части галичан с поляками, получившее известность как «Новая эра», ознаменовалось усилением раскола между русскими галичанами и украинофилами, которых поддерживали Вена и польская администрация Галиции. Провозглашение «Новой эры» стало идеологической подготовкой для наступления на русских галичан и русский литературный язык в Галиции. С 1892 г. во всех

школах Галиции было введено фонетическое правописание («кулишивка») вместо традиционного для галицких русинов этимологического письма, которое было принято в дореволюционной России и благодаря которому русины могли свободно читать изданные в России книги. Началась кампания преследования русского литературного языка. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов «Буковина» в Черновцах и «Академический кружок» во Львове были закрыты...» [4, с. 81]. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли высшие иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени» [3, с. 83]. Именно Сембратович дал «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии «Червонную Русь», многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных за то, что они не приняли так называемой «новоэрской программы» [3, с. 84]. Гонения коснулись и тех русских галичан, которые состояли на правительственной службе. По словам Мончаловского, «кто хотел отличиться или поправить свою репутацию перед начальством, тот достигал цели доносом на своего сослуживца, принадлежащего к русской партии...» [3, с. 85].

Преследования представителей галицко-русского движения в Галиции, начавшиеся после провозглашения «новоэрской программы» в 1890 г., стали своеобразной генеральной репетицией широкомасштабных репрессий, обрушившихся на галицко-русское движение после начала Первой мировой войны. Принятие «новоэрской программы» и последовавшее за этим углубление раскола между русскими галичанами и украинофилами стало свидетельством окончательного перехода украинского движения из его «этнографическо-литературной» фазы на политические рельсы, тщательно подготовленные Веней и польской администрацией Галиции.

Список источников и литературы

1. Федевич, К. Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920-1930-е годы / К. Федевич // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 3-12.
2. Мончаловскій, О. Главныя основы русской народности / О. Мончаловский. – Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1904. – 132 с.
3. Мончаловскій, О. Литературное и политическое украинофильство / О. Мончаловский. – Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1898. – 218 с.
4. Пашаева, Н. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. / Н. Пашаева. – Москва: Имперская традиция, 2007. 185 с.
5. Мончаловскій, О. Святая Русь / О. Мончаловский. – Львовъ: Из типографіи Ставропигійскаго Института, 1903. – 97 с.

6. Miller, A. *The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century* / A. Miller. – Central European University Press, Budapest – New York, 2003. – 282 p.